

Геннадий Болтунов

*А это
забавно —
к себе
присмотреться*

СТИХИ

Геннадий Болтунов

**А это забавно – к себе
присмотреться. Стихи**

«Издательские решения»

Болтунов Г. В.

А это забавно – к себе присмотреться. Стихи / Г. В. Болтунов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903031-3

Автору этой книжицы уже семь десятков лет. Кто-то повторит за классиком, что «до тридцати поэтом быть почётно», и добавит, что в достигнутом возрасте пора бы и завязывать. Как тут не напомнить, что и Тютчев стал известен уже на склоне лет. Да и поэтический стаж автора книги «А это забавно...» начиная с газетных публикаций насчитывает более полувека. Лучшие произведения автора отличаются тонкой лиричностью, пронизаны светлой печалью, минорны, однако оптимистичны.

ISBN 978-5-44-903031-3

© Болтунов Г. В.
© Издательские решения

Содержание

Геннадий Болтунов	6
Хризантема	7
I. Забавно	8
Малевич	8
Окно детства	8
Забавно	9
Про судьбу	9
Бред	10
Поэзия	10
Одиночество	10
Бал состоится	11
Часы	11
Мне бессмертье ни к чему	12
Пятна на Солнце	12
Затяжная осень	13
Слова, слова, слова	13
Из глины	14
Интересный коленкор	14
Ни поражений, ни побед	14
Переполох в королевстве	15
II. На семь бед один ответ	16
Своя дорога	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

А это забавно – к себе присмотреться

Стихи

Геннадий Владимирович Болтунов

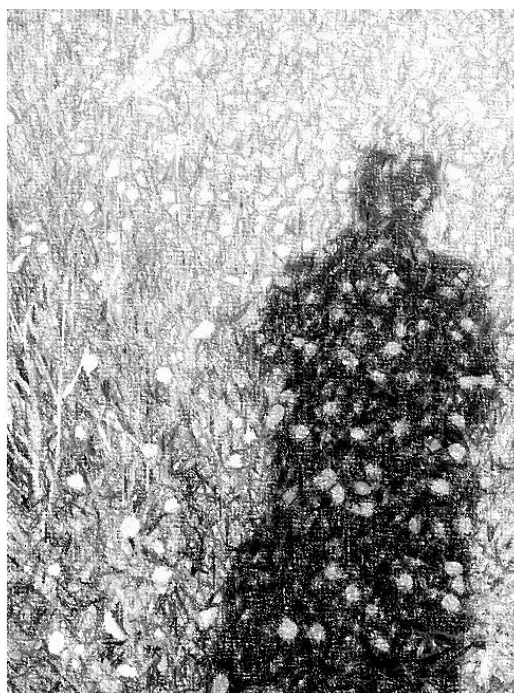
Фотограф Геннадий Владимирович Болтунов

© Геннадий Владимирович Болтунов, 2018

© Геннадий Владимирович Болтунов, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-3031-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Геннадий Болтунов

Автору этой книжицы уже семь десятков лет. Кто-то повторит за классиком, что «до тридцати поэтом быть почётно», и добавит, а в достигнутом возрасте пора бы и завязывать. Как тут не напомнить, что и Тютчев стал известен уже на склоне лет. Да и поэтический стаж автора книги «А это забавно...» начиная с газетных публикаций насчитывает более полувека.

Участник пяти областных литературных семинаров, проводимых в Орле ещё в советские времена с участием известных в то время русских поэтов, одобрительную оценку его отдельным произведениям давали и Владимир Николаевич Соколов, и Юрий Поликарпович Кузнецов, и Николай Константинович Старшинов. Кроме публикаций в различных сборниках и альманахах имеет одну книгу «Слепящая мгла», вышедшую в 1997 году. Последняя не электронная публикация стихов была в альманахе Орловской областной организации СП России «Орёл литературный» за 2012 год.

С учётом изложенного, и содержимого его интернет-страницы на портале Стихи.ру, автор в январе 2016 года принят в Российский союз писателей (РСП), членом которого и является по настоящее время. Лучшие произведения автора отличаются тонкой лиричностью, пронизаны светлой печалью, минорны, однако оптимистичны.

Хризантема

Росток хризантемы на рынке купил,
в саду посадил и водой окропил:
расти, дорогая (что цену скрывать).
Стал ждать, когда будет букеты давать.
Но, я не ботаник. Рассада хила.
Октябрь наступил – ни цветка не дала.
И выкопал, с корнем, и вместе с землёй
принёс её вздорный характер домой.
Наложница, вроде, дом – замкнутый круг,
на лоджии нет ни друзей, ни подруг.
Но, каждое утро, я следовал к ней,
ещё не обутый, из царства теней.
Водю кропил и шептал ей слова:
Ну, как ты, красавица? Вижу – жива.
Поставил напротив стекла зеркала,
собой чтоб она любоваться могла.
И... чудо случилось, заботе в ответ,
бутончики глаз устремились на свет.
Когда же почуяли снег за окном,
они приоткрылись, разглядывать дом.
Потом распахнула ресницы она:
Привет! Я Вам, кажется, что-то должна?
Я помню. В долгу оставаться не след.
И мне подарила прощальный букет.
Характер-то вздорный, однако, прямой.
Приятно что очень похожий на мой.
Обидно прощаться. Чтоб не было слёз,
свою Хризантему к теплу перенёс,
туда, где кровать, – не навек, до весны.
Да, что там скрывать, с нею сладкие сны.

І. Забавно

Малевич

Чёрный фон.
Белеет с края
тонкий контур, чист,
как свет.
Ночь в квадрате разве бред,
если видится рассвет? —
Так черна земля сырая.
На квадрат не ставил даты, —
в черноте куда девать?
Будут разные квадраты
и другие малевать,
вроде как, не копиисты,
потому, что цвет иной.
Только цвет у них неистов,
словно вышел из пивной.

Окно детства

Детства окно выходило в сад
и преспокойно по саду бродило,

слушало тени, о чём говорят,
что напевают крыши стропила.
Я был так мал, что вполне понимал
свет отражений, и это немало,
да и оконце меня понимало,
видя, как мальчик по саду летал
странно, во сне. И душа вылетала...
Были полёты в сильном жару,
жутком ознобе, коклюша вроде,
мама боялась, что так и умру
тихо, как всё умирает в природе.
Но это было мне не суждено.
Всё-таки в сад выходило окно.

Забавно

Гулять в темноте нам бывает полезно:
вглядишься во тьму, и откроется бездна
неведомых страхов, как раньше, из детства...
Лишь стоит взглядеться,
лишь стоит взглядеться.
Когда же глаза попривыкнут для тьмы,
откроются звёзды,
откроемся мы.
А это – забавно, к себе присмотреться.
Лишь стоит взглядеться,
лишь стоит взглядеться.
Да, это забавно, однако – рискованно
увидеть себя изнутри,
но другого.

Про судьбу

Мне многого судьба не досказала,
точнее, сам дослушивать не стал,
отбившись от цыганки трёх вокзалов,
чтобы попасть на нужный мне вокзал,
где, как и прежде, плакали и пели,
протяжным звуком выделяя «о»,
и поезда суставами скрипели,
и заглушали первые капли,
и о судьбе не знали ничего.

Бред

Вроде жив. Лежу в палате.
Вижу девушку в халате
белоснежном.
Пот со лба.
И, как маятник, судьба.
Слышу, ей глаголет врач:
«Успокойся, не маячь, – он, пока у нас лежит,
от судьбы не убежит...».
Вроде выжил. Вижу свет.
Встать пытаюсь на дыбы.
Засмеяться – силы нет
у сиделки. У судьбы.

Поэзия

Поэзия, как реченька темна,
в любой строке таится глубина,
поймёшь не сразу омут где, где заводь.
Не каждый, подойдя, решится плавать,
тем более нырять. Она странна —
пленительной поэзии страна.
Совсем иное – речь на быстрине,
где можно вброд, а можно на коне,
причём не на Пегасе, а бескрылом,
там мелководье ничего ни скрыло.
Но тайны нет, поэзии нет тайны,
находки есть и вовсе не случайны,
их можно разглядеть без входа в воду.
Иное дело, коль не знаешь броду,
а мостик скользок, с одного бревна,
и тянет тайна илистого дна.

Одиночество

Сядет в изголовье и сидит,
чувствует – не сплю, хотя сердит,
терпеливо ждёт, когда во тьму
голову повыше подниму.
Станет, разом, чепуху молоть
чем-то вроде мельницы для зёрен.
Для неё мой разум иллюзорен

и не узнаёт меня Господь.
Не узнав, немислимо помочь,
неисповедимы путь и след.
Вспыхивает маленькая ночь
в росчерках рисованных комет.
С ними одиночество, смеясь,
как-то устанавливает связь
и кометы гасит понарошку,
подставляя
не свою ладошку

Бал состоится

На этом неухоженном наделе
меня улитки раньше не встречали,
однако уши пчёлы прогудели
о скорости движения печали.
Ведь Божий мир всегда в начале роста.
Гляжу, идут, из мест, где тихо, сыро,
два крохотных, для зрения, подростка,
по листьям винограда провальсировать.
Я, сон-виденье в шутку превращая,
проснулся, шагом комнату вращая,
и подошёл к окну. Оно сияло
рекламой о грядущей дате бала.
Смотрю, на подоконнике открытка:
Бал состоится. Жду. Твоя улитка.

Часы

Старые, наручные,
в ящичке стола.
Жить без них не скучно.
Надобность прошла, —
Вот мобильник важен —
лишь бы был включён,
времечко покажет,
до минутки, он.
А часы наручные,
словно я, порочны:
когда тихо – звучны,
редко, когда точны.
В них секунды скачут,
словно ветер в спину.
Могут заартачиться,

смолкнуть без причины.
Часовщик однажды
предложил: Да брось! —
Вид у них неважный,
ходят вкривь, да вкось.
Бросить жаль, – ходячие,
да с живыми стрелками.
Снова в ящик прячется
время моё мелкое.

До поры запасливой. —
Вдруг она придёт?
Как ребёнка в ясли,
вынесу в народ...
И пришла,
заклято заявила в дом, —
сдох аккумулятор в сотике моём.
Часики торжественно
выношу на свет,
заведя, как женщину. Есть такой секрет. —
Целый день не стихнет
милое «тик-так».
Да везде есть выход, если не дурак.
Пусть спешат, опасно циферблат пусть врёт.
До чего же счастлив я, – время-то идёт!

Мне бессмертье ни к чему

Жив, здоров. – Жаль, спозаранку,
если чуточки приврать,
смахиваю на поганку,
что никто не хочет брать.
Не вписаться в кутерьму,
когда тихая охота.
Разве, грустно отчего-то, —
мне бессмертье ни к чему.

Пятна на Солнце

Семья распалась.
«Какая жалость!», —
округа шепчет,
глазеть сбежалась.
Что было поводом – непонятно.
Стоят,

считают на Солнце пятна.

Затяжная осень

Затяжная, что печенье,
или словно леденец,
приостановила время
и отсрочила конец
лета.

Осень старая пластинка
на костях, как говорят.
Заедает в ней грустинка
уже тридцать дней подряд,
где-то.

Счёта времени не видно,
разве что числом листвы,
или солнышка болидом
после инея травы. —
Мега.

Бесконечности не будет,
за отсрочкой срок метут.
В синеву рванулись люди,
в синеву, где их не ждут...

Гетто

Потому, что очень скоро
встанут стены из дождей,
грязь и хлябь накроют город,
загоняя внутрь людей
тщетно.

Загоняют внутрь уюта,
если б знали, где уют...

А снежинки парашюты,
встав на тучи, достают.
Для балета.

Слова, слова, слова

Слова, слова, слова...

В. Шекспир

Да как же можно верить слову, когда его нельзя потрогать?
Вдруг твёрдости недостаёт и формою несовершенно?
Под слоем краски типографской бывает слово не прозрачно,
Невзрачное, не убеждает.
Но есть слова не те, иные,
наивные, как будто сны цветные.

Вот у ораторов слова
звучат раскатисто, жаль, – лживо.
Им бы заветное затронуть.
Однако, трогаются люди.
По недостатку прикасання и монолога
речь чревата...
А, впрочем, выбирайте сами
зачем, когда, как в сеть попали...
Ведь редко ловятся слова,
слова, что рыбка золотая.

Из глины

Я пробовал гончарный круг крутить,
формировать изделие в ладонях,
и понял, – тяжело Всевышним быть,
свой замысел в живое воплотить.
И, слава Богу, вовремя, что понял.

Что, дамы своих лепят мужиков? —
Такие вот гончарные умелицы?
Но, благо, – знаю:
языки их – мельницы.
Слепить Адама
– пара пустяков?

Интересный коленкор

Интересный коленкор. —
Я похож на мухомор.
Привлекателен, что тать.
Как завидят – разговоры:
мы с таким подвинем горы,
если взять, да пожевать...

Ни поражений, ни побед

Ни поражений, ни побед
не знал, не видел, – хата с краю.
Чем занимался мой сосед
я, хоть убей, не понимаю.
Всех уверял впредь: благодать,

когда ни рая и ни ада,
так проще на земле стоять...

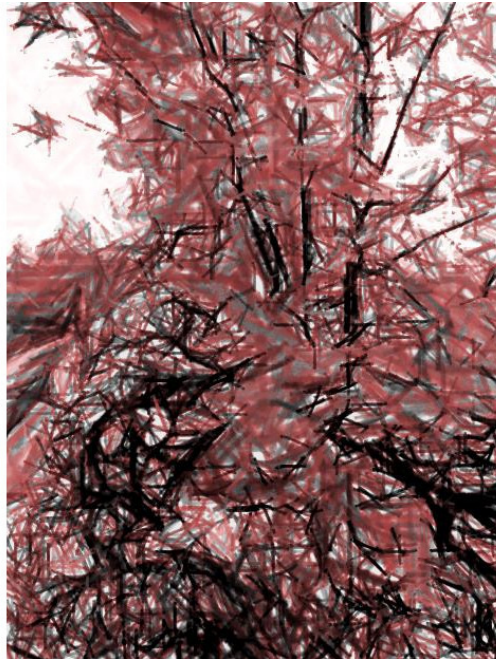
Однажды кончилась баллада.
... Жизнь шла, навстречу,
встреч – он гнал
и видел, – мило улыбалась
та жизнь. Вид сделал, – не узнал,
кажись, когда с ним поравнялась.
Так пролетела жизнь, спеша
и незаметно, для соседа...
Сказали, – проглотил ерша
в обед, оставшись без обеда.
На этой фразе бы запнулся,
да ёрш соседом поперхнулся.
Но, он и это не заметил...
Был, или не был, чист и светел.

Переполох в королевстве

«Избежит ли королевство краха,
если в бабе вовсе нету страха? —
Чуть чего – орёт: А ну, ударь!», —
Вопросил у Думы Государь.
«Надо срочно сочинить Закон:
За бесстрашье, это... – душу вон».
Мужики в ладошки застучали,
из обеих, стало быть, Палат,
думали, – жить станут без печали,
только оказалось, – без услад.
Бабы изменились, да настолько,
что ушли из Лучезорья прочь, —
днём, без мужиков, ложатся в койку,
а в светёлках коротают ночь.

«Надо б, для резона, им дракона,
из своих, – без пламени с огнём,
дабы ошарашить мог, но днём.
Ночкой б мы жалели их, законно.
Глядь, и пригодятся бабьи страхи...
Посадить дракона, средь двора!
Можно даже сразу подле плахи...».
Мудрому правителю: «Ура!».

II. На семь бед один ответ

Своя дорога

Кому отмерен век, кому совсем немного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.